

УДК 9:94(4)-05

Г. В. Кретинин, А. С. Макарычев

**«400 ДНЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ» АВГУСТА ВИННИГА:
ОПЫТ КОНЪЮНКТУРНОЙ МЕМУАРИСТИКИ**

61

Проанализирован текст мемуаров имперского комиссара и оберпрезидента Восточной Пруссии Августа Виннига, относящийся, в частности, к периоду от революционных событий начала 1919 г. до Капповского путча в марте 1920 г. Особое внимание обращено на внешнеполитическое положение и внутрипартийную борьбу в провинции. Охарактеризованы политические взгляды А. Виннига и причины охлаждения его отношений с руководством СДПГ.

This article analyzes the memoirs of August Winnig, Reichskommissar and Oberpräsident of East Prussia, covering the time from the revolutionary events of early 1919 to the Kapp Putsch in March 1920, against the background of the foreign-policy situation and inner-party struggle in the province. Particular attention is paid to the political views of A. Winnig and the reasons for cooling in their relations toward the SPD leadership.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Август Винниг, СДПГ, Народная морская оборона, Капповский путч

Keywords: Königsberg, August Winnig, SPD, People's Naval Defense, Kapp Putsch

С 25 января 1919 и до середины марта 1920 г., то есть с первого этапа Ноябрьской революции и до неудачного Капповского путча, значительное влияние на внутриполитические события в Восточной Пруссии, а также на складывавшуюся вокруг нее внешнеполитическую обстановку оказывал имперский комиссар и (с августа 1919 г.) обер-президент провинции Август Винниг.

Винниг пришел к назначению высшим должностным лицом провинции не только с богатым литературным и партийным опытом (плодовитый публицист и один из лидеров профсоюзного движения), но и с весомым политическим багажом: он последовательно занимал должности правительственного комиссара 8-й германской армии (захватившей Ригу в начале сентября 1917 г.), германского посланника на оккупированных кайзеровской армией территориях Прибалтики при кабинете Макса Баденского и, после начала революции в рейхе, Генерального уполномоченного Германии в Прибалтике.

Любопытный факт, но отношение к этой исторической фигуре в странах, с которыми так или иначе связана его политическая деятель-

ность, достаточно неоднозначно. В послевоенной Германии палитра ее восприятия весьма широкая: Виннига считали национально ориентированным социалистом правого толка, империалистом и организатором фрайкоров в конце Первой мировой войны [10, S. 18–37; 11, S. 217–224], антисемитом и своего рода провозвестником нацизма [12, S. 554–562] и даже сторонником европейских консервативных ценностей, идеи которого были восприняты основателями Христианско-Демократического Союза в 1945 г. [13].

В странах Балтии (особенно в Латвии и Эстонии) фигура Виннига скорее замалчиваемая, хотя он внес немалый личный вклад в появление этих государств на карте мира. Как справедливо заметил Л. В. Ланник, воспоминания Виннига корректируют «представление о событиях, положенных в основу эстонских и латышских национальных мифов, пестуемых уже столетие» [7, с. 4].

В советской историографии отношение к Виннигу долгое время было резко негативным [3, с. 303–307; 5, с. 15–17]. Как один из лидеров профсоюзного движения, он поддерживал внутреннюю и внешнюю политику канцлера Т. фон Бетман-Гольвега и кайзера Вильгельма II во время Первой мировой войны, а в период Ноябрьской революции 1918 г. играл роль «прибалтийского Носке» в Восточной Пруссии, стремясь не допустить прихода к власти левых радикалов и соединения их с наступавшими красными частями.

Необходимо все же отметить, что российскими (в том числе калининградскими) историками [1; 2, с. 379–388; 4, с. 134–147; 6, с. 369–375] деятельность А. Виннига на посту имперского комиссара и оберпрезидента Восточной Пруссии пока еще не дана взвешенная и обстоятельная оценка, а его воспоминания об этом периоде практически не привлекались и не вводились в научный оборот, хотя являются важным источником для изучения революционных событий 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии [9].

Переводов основных работ А. Виннига на русский язык практически нет, если не считать вышеупомянутого «Прибалтийского излома» в переводе Л. В. Ланника, издание которого содержит обширные и весьма информативные комментарии [7]. И если это объяснимо применительно к его теоретическому наследию (оно интересно достаточно узкому кругу специалистов), то мемуары еще ждут своего переводчика и, вне всякого сомнения, своих читателей. В них Винниг доходчиво, не без литературного лоска и грубоватого юмора, излагает события 1918–1920 гг. в странах Балтии и Восточной Пруссии через призму геополитических интересов Германской империи и Веймарской республики.

В данной статье анализируются основные положения самых ранних мемуаров Виннига «400 дней Восточной Пруссии», посвященных этому периоду. Их текст печатался с сентября по декабрь 1927 г. в теоретическом социал-демократическом журнале «Volksstaat», а в 1928 г. вышел отдельной брошюрой. Как можно судить по намекам самого Виннига, он вел в описываемое им время дневниковые записи, которые позднее дополнил партийно-идеологическими соображениями на злобу дня, так что получилось своеобразное смешение двух жанров — мемуарного и памфлетного.

Решение Виннига написать воспоминания было связано с особенным поводом. Летом 1927 г. он присоединился к Старой Социал-демократической партии, поэтому для него было необходимо предложить собственную версию событий в Восточной Пруссии в 1919–1920 гг., в результате которых он был исключен из рядов СДПГ [9, S. 3]. Конъюнктурный повод предоставил ему также удобную возможность охарактеризовать состояние германского социалистического движения, значение которого выходило далеко за пределы того времени, не только с партийно-исторической точки зрения.

Это состояние, полагал Винниг, означало фатальный поворотный пункт в развитии рабочего движения и в большой степени ответственно за судьбу немецкой государственности [Ibid., S. 4]. Истоки этого состояния обнаруживались в расколе социалистического движения, который произошел в сентябре 1916 г., хотя, как пронизательно заметил Винниг, в известном смысле его можно отнести к 1910 г. и даже ранее. Он определялся противоположным отношением к государству, которое обнажилось с началом войны. «Оно (противоречие. — Г. К., А. М.) проявилось в конфликте между радикалами и ревизионистами, во враждебном напряжении между радикальными партийными литераторами и проникнутым рабочим духом руководством профсоюзов» [Ibid.].

Умудренный опытом бывший лидер профсоюзного движения ставит на вид руководителям социал-демократии большинства их непоследовательную позицию, даже резкую перемену, в отношении к октябрьским и ноябрьским дням 1918 г.: тогда они изо всех сил пытались предотвратить «бедствие краха», а сегодня они празднуют его как «час рождения немецкой свободы». «Социалистическое движение имеет нечистую совесть перед собственным прошлым. Оно не осмеливается взглянуть на это прошлое, поскольку стыдилось его тогда или стыдится сейчас, и поэтому оно не осмеливается объяснить его» [Ibid., S. 6].

Раскол социалистического движения и идейные разногласия внутри германской социал-демократии, военные потрясения, резкое ухудшение социально-экономического положения и нарастание антимилитаристских настроений в стране, возникновение левых радикальных группировок положили конец пресловутой политике гражданского мира. Конечно, как сторонник оборонительной, «справедливой» войны со стороны Германии, Винниг не мог заявить об этом прямо, а сделал это в завуалированной форме: «Сегодня рабочий-социалист является надеждой и доверенным лицом заграницы (западных держав. — Г. К., А. М.) и опасностью для своего собственного народа. Это великая перемена, которая произошла с рабочим и вокруг него» [Ibid., S. 8].

Однако преодоление этого состояния видится Виннигу с почвеннических, националистических позиций, с постановки риторического вопроса: «Разве может быть правильным, что он (рабочий-социалист. — Г. К., А. М.) является врагом своих соотечественников, своих братьев по крови, своих братьев по территории, своих братьев по языку и обычаю, своих братьев по историческому опыту? Разве может быть правильным, что он является их врагом — только потому, что они желают видеть страну и народ, наше общее достояние, снова свободными?» [Ibid.].

Конечно, здесь угадываются нотки антиверсальских настроений и расхожей в Германии 1920–1930-х гг. «легенды об ударе кинжалом в спину» германскому рейхсверу, однако Винниг неожиданно уводит читателя в сторону, постулируя новый исторический смысл рабочего движения и предлагая свой рецепт спасения нации и государства: «Только поистине великая задача может оправдать жертвы, которых требует рабочее движение от своих сторонников. Я вижу эту задачу в том, что рабочий призван обновить народную общность и ее государственную организацию, дать этой общности новое руководство, сформировать и оживить ее новым, рабочим духом» [Ibid., S. 9].

Обрисовав в предисловии свое видение проблем и перспектив рабочего и социалистического движения, Винниг переходит затем к фактологической составляющей своих воспоминаний.

В первый раз Винниг побывал в Кёнигсберге 8 января 1919 г. во время вынужденной остановки, следуя поездом из Митавы в Берлин. Она случилась как нельзя кстати, поскольку дала ему возможность не только осмотреться в столице Восточной Пруссии, но и попытаться устранить те препятствия для своей главной задачи в Прибалтике (переброски регулярных войск из рейха для сдерживания частей Красной армии), которые обозначились здесь, в Кёнигсберге, поскольку солдатские Советы в Восточной Пруссии останавливали военные транспорты и отправляли их обратно. Винниг посетил партийное руководство СДПГ, обер-президиум, окружное командование и собрание солдатского Совета гарнизона.

Он сразу же обозначил главную болевую точку этой проблемы: «Кёнигсберг находился во власти толпы матросов, терроризировавших город. Они организовались в военном плане и назвали себя Народной морской дивизией. Она насчитывала около тысячи человек. Реальная власть находилась в ее руках. У нее одной имелось оружие, она выставляла караулы, контролировала железную дорогу, почту, телеграф, органы юстиции, государственного и муниципального управления, военные инстанции, склады оружия и интендантство. Политическая полиция также находилась в ее руках. Ее влияние не ограничивалось столицей провинции. Рабочие и солдатские Советы подчинялись ей и следовали ее указаниям» [Ibid., S. 11]. Численность этого военизированного формирования в 3–4 тысячи человек, которую приводят некоторые исследователи, видимо, следует отнести к концу декабря 1918 г. [4, с. 142]. К началу лета 1919 г. его численность значительно сократилась.

Ситуация в городе осложнялась присутствием большого количества солдат и безработных (Винниг указывает, соответственно, 78 и 16 тысяч), слонявшихся без дела и примыкавших к многочисленным демонстрациям. «Улицы были полны грязи и толчеи. На замке развевалось красное знамя и покрывало это положение дел» [9, S. 12].

К этой неразберихе прибавлялись и вполне реальные текущие проблемы, которые приходилось решать имперскому комиссару буквально в ручном режиме, — такие, как острая нехватка угля и продовольствия. Прекращение подвоза угля из рейха грозило остановкой работы важнейших предприятий и коммунальных служб. Положение было настолько серьезным, что даже респектабельная «Кёнигсбергская Гарtungская Газета» опубликовала статью с заголовком: «Не будет угля из рейха — не будет продовольствия из Восточной Пруссии» (цит. по: [8, S. 68]). Тревожная обстановка была и в имениях, где среди сельскохозяйственных рабочих большой размах набирала пропаганда доверенных лиц Независимой социал-демократической партии (НСДП), приводившая к волнениям в деревне.

Винниг сразу позаботился о том, чтобы установить контакт с руководителями матросов, которые, к его удивлению, поначалу не принимали против него каких-либо враждебных действий. «Когда я по вечерам составлял короткие заметки о событиях прошедшего дня, я иногда добавлял: “Еще не арестован”» [9, S. 13].

Большинство матросов были сторонниками спартакистов и получали подкрепления из Большого Берлина и Саксонии, однако среди них были и те, кто задумывался о чистке и легализации этого формирования, а также о подчинении его имперскому комиссару. Как опытный политик, Винниг ухватился за эти устремления и нашел в них почву для переговоров, которые представляли для него ценность только потому, что таким образом выигрывалось время для сосредоточения сил и устранения влияния второй стороны.

Вопрос ставился Виннигом в конкретной практической плоскости: «Могли ли медленно наступающие части Советской республики выйти на восточнопрусскую границу, прежде чем падет господство матросов? В этом случае, естественно, больше нельзя было бы воспрепятствовать большевизации провинции» [Ibid., S. 16]. Руководство операциями против русских войск находилось в руках генерала фон Секта, который вместе со своим штабом переехал в Бартенштайн. Крайне нежелательной для разоружения матросов была и переброска войск из Прибалтики. Там каждый солдат для Германии был на вес золота. Между тем передовой отряд русских достиг местечка Тельше в Литве, который находился всего лишь в 30 км от границы с Восточной Пруссией, на расстоянии дневного перехода.

Свои истинные намерения Винниг скрывал даже от руководства местного отделения СДПГ, которое требовало от него активных действий, а не переговоров: «Вы должны действовать! Никаких переговоров! Два миллиона восточных пруссаков каждый вечер обращают к Вам свои мольбы: “Винниг, помоги нам!” А вы четвертую неделю ведете переговоры с этим сбродом!» [Ibid., S. 20].

В эти дни состоялась и другая знаменательная встреча Виннига — с Вольфгангом Каппом, который предложил ему помощь в вербовке добровольцев для действий против матросов, от чего Винниг отказался под тем предлогом, что такие добровольцы необходимы в Прибалтике

и что здесь он собирается опереться на верных правительству рабочих-социалистов. Аналогичную позицию занимал Винниг и в переговорах с генералом фон Сектом, который предложил срочно перебросить в Кёнигсберг набранных добровольцев из лагеря под Берлином. На этот раз он уклонился под тем предлогом, что это было внутренним делом (*häusliche Angelegenheit*) рабочих [Ibid., S. 21].

Вряд ли здесь Винниг вполне искренен, однако, судя по факту публикации воспоминаний в журнале СДПГ *Volksstaat*, подобная аргументация встретила понимание и одобрение руководства СДПГ в 1927 г. Между тем разоружение буржуазных по своему составу отрядов безопасности (*Sicherheitswehr*) матросами перед зданием полицайпрезидиума и попытка ареста самого Виннига их патрулем во главе с М. Хайдеманом серьезно обострили обстановку. И все же Винниг сделал еще одну попытку прийти к соглашению с матросами на следующих условиях: переход под юрисдикцию имперского комиссара; чистка рядов и удаление одиозных фигур; немедленный отказ от противоправной деятельности; освобождение ряда школ, здания которых были реквизированы матросами; потенциальное вхождение в регулярные армейские части [Ibid., S. 23–24].

Однако новый раунд переговоров, на которых Комитет Семи (руководящий орган народной морской дивизии) представлял один из лидеров местного отделения НСДПГ, кёнигсбергский врач А. Готшалк, также окончился безрезультатно. Теперь у Виннига были развязаны руки. Операция по подавлению отрядов народной обороны (Винниг называет ее акцией по разоружению), согласованной с генералом фон Сектом, была назначена на 3 марта.

На время проведения операции из города были удалены лица, которым могла грозить опасность: руководители Социал-демократической партии большинства, известные редакторы кёнигсбергских газет и другие влиятельные персоны. Сам Винниг выехал накануне из города вместе с обер-президентом А. фон Батоцки, проведя тревожную ночь в кабриолете на проселочной дороге под Кёнигсбергом в ожидании новостей [Ibid., S. 25].

Винниг пропускает подробности уличных боев в Кёнигсберге 3–4 марта, ограничиваясь лаконичным подведением итогов операции: «Разоружение и роспуск морской дивизии одним ударом прояснили положение. Циркулярная телеграмма всем Советам провинции, в которой им предлагалось в установленный срок дать ответ, признают ли они распоряжение Совета Народных Уполномоченных от 19 января (которое ограничивало их юрисдикцию), возымела желанный успех. Теперь они все подчинились законной власти» [Ibid., S. 26].

Характерно, что на этом Винниг видел свою главную задачу выполненной и собирался покинуть Восточную Пруссию, однако имперское правительство сочло его пребывание там необходимым, поручив ему решение ряда других вопросов.

Прежде всего было необходимо остановить рост числа безработных в городе и провинции, связанный с притоком военнотружущих и рабо-

чих военных заводов. Винниг отмечает, что охотнее других откликнулись лесное ведомство и управление железной дороги, да и начавшиеся полевые работы также предоставили возможность задействовать определенное количество рабочих рук.

Сложнее обстояло дело с муниципалитетом Кёнигсберга, который уже распределил среди предпринимателей заказы по сносу укреплений, и его возможности по расширению площадей общественных работ были ограничены. Все же под нажимом Виннига, который пригрозил учредить должность городского комиссара для Кёнигсберга с широкими полномочиями, муниципалитет предоставил 6 тысяч рабочих мест [Ibid., S. 27].

Одну из важных задач имперского комиссара в новых условиях Винниг видел в противодействии спартакистской пропаганде в деревне, особенно среди наемных рабочих. Здесь сказался прежний его профсоюзный опыт работы: он предложил регулировать экономические отношения сельских хозяев и сельскохозяйственных рабочих посредством заключения тарифных соглашений, контроль за соблюдением которых должна была осуществлять специально созданная организация работодателей [Ibid., S. 28].

Однако с течением времени для Виннига на первый план все больше стали выходить внешнеполитические вопросы — сохранение германского влияния в странах Балтии и противодействие в этом регионе росту влияния большевистской России. Верный своей русофобской линии, Винниг полагал, что главной целью большевиков была смена правящего культурного слоя этих стран, который был преимущественно немецким [Ibid., S. 29].

Другим важным внешнеполитическим аспектом деятельности Виннига было противодействие территориальным притязаниям Польши на Позен, Западную Пруссию и Мазуры. Их поддерживали европейские державы, прежде всего Франция. Эти обстоятельства создавали питательную почву для роста восточнопрусского сепаратизма, который, по Виннигу, не имел ничего общего с государственной изменой, а был только своеобразной формой национального возмущения [Ibid., S. 36].

По мнению имперского комиссара, главной целью должно было стать спасение немецкой государственности на востоке посредством отделения Восточной Пруссии от рейха и образования Балтийского союза вместе с Литвой, Курляндией, Лифляндией и большей частью Западной Пруссии. Однако Винниг, при всем своем сочувствии этому плану, не верил в его жизнеспособность, поскольку реально оценивал отношение к нему литовского и латышского населения (и национальных элит), особенно после трехлетнего оккупационного правления немцев [Ibid., S. 36]. Не следует также забывать, что планы предоставления гражданства и земельных участков так называемым «балтийцам» (Baltikumer), участникам добровольческих формирований, после устранения «красной» опасности уже не находили поддержки у национальных правительств стран Балтии.

Именно в это время (весна 1919 г.), пишет Винниг, против него в партии началась борьба и клеветническая кампания. Из Веймара (местонахождение тогдашнего Национального собрания) в Кёнигсберг приезжала даже специальная парламентская комиссия для проведения расследования на месте, по итогам работы которой состоялось заседание кабинета. Характерно, что Винниг обо всем этом узнал задним числом [Ibid., S. 32].

После ухода в отставку в конце июня оберпрезидента провинции А. фон Батоцки Винниг по настоянию министр-президента Пруссии П. Хирша и министра внутренних дел Германии В. Гейне согласился занять вакантную должность, сохранив за собой все полномочия имперского комиссара. Теперь по долгу службы он должен был вникать в повседневную административную деятельность обер-президиума. Не без сожаления Винниг пишет, что его духовная жизнь в этот период стала беднее, по вечерам вместо чтения любимого О. Шпенглера ему приходилось штудировать имперское Уложение законов и другую специализированную литературу [Ibid., S. 38].

Однако не ради юридического самообразования Винниг согласился занять должность обер-президента провинции Восточная Пруссия. Вкупе с полномочиями имперского комиссара это давало ему дополнительные возможности отстаивать интересы провинции, особенно в свете предстоявших плебисцитов и возможной активизации польского повстанческого движения на спорных территориях. Как метко заметил немецкий историк Р. Шумахер, «Виннига скорее следует считать представителем интересов провинции в рейхе, нежели представителем интересов рейха в Западной и Восточной Пруссии» [14, S. 53].

Винниг даже задумывался об инвентаризации и соответствующем размещении имевшегося на складах вооружения до приезда в провинцию контрольных комиссий Антанты [9, S. 40]. Этот вопрос был косвенным образом связан с его желанием сохранить присутствие немецкого армейского корпуса в Прибалтике, который в случае необходимости можно было задействовать в борьбе с польским повстанческим движением. Однако руководство СДПГ и западные державы настаивали на его расформировании, поскольку угроза русского вторжения миновала, и в его присутствии больше не было необходимости. Винниг даже с горькой иронией отмечает, что социал-демократическая пресса охотно приводила свидетельства демобилизованных солдат о якобы имевшихся случаях злоупотреблений и насилий со стороны германской армии, замалчивая тот факт, что таковые были уволены со службы именно по этому поводу [Ibid., S. 42].

К концу года в отношениях между Виннигом и руководством СДПГ накопился изрядный горючий материал для взаимного недовольства. Политика имперского комиссара и обер-президента вызывала резкое противодействие партии, непосредственным поводом к которому послужило совмещение Виннигом двух важнейших административных должностей. Несмотря на протесты партии, министр внутренних дел Пруссии В. Гейне настоял на назначении Виннига обер-президентом

провинции. Более широко смотрел последний и на перспективы парламентской борьбы в Веймарском Национальном собрании, сближаясь в необходимых случаях с Немецкой народной партией и консерваторами. Характерно, что сам Винниг объяснял новую тактику объективным ходом вещей и реальной политикой, которую нельзя оценивать только с партийной точки зрения. Переход от оппозиции (в кайзеровской Германии) к коалиционным правительствам и ответственности кабинета (после революции) совершился слишком быстро, а СДПГ все еще пребывала в плену партийных догм [Ibid., S. 62–63].

Очередным яблоком раздора между Виннигом и руководством СДПГ стала предложенная первым кандидатура барона фон Гайля на должность комиссара по плебисциту в Алленштайне, который должен был состояться 11 июля 1920 г. В СДПГ его считали прусским реакционером, а его послужной список давал для этого все основания (руководитель политического отдела при верховном командовании «Восток» в годы Первой мировой войны; затем шеф военного управления «Литва-Север» в Ковно; в 1919 г. возглавил новую структуру «Защита Отечества» при обер-президиуме). Личное знакомство Виннига с фон Гайлем по работе в Прибалтике и политический опыт последнего стали решающими факторами в его назначении, хотя на обер-президента обрушился очередной шквал критики и обвинений в сотрудничестве с восточнопрусскими реакционерами [Ibid., S. 64].

Вообще, тема отношений Виннига с СДПГ, их взаимного охлаждения и отчуждения рефреном проходит через весь текст его воспоминаний. Однако все же складывается впечатление, что это отчуждение носило временный, ситуативно-конъюнктурный характер и не было вызвано глубинными идейными разногласиями. Р. Шиндо резюмирует: «Задачи имперского комиссара, которые заключались в обороне немецкой границы от советского наступления, а также в подавлении рабочих и солдатских Советов, делали необходимым тесное сотрудничество не только с военными властями, но и с ведущими политиками. Социал-демократ Винниг вследствие этого все более сближался с восточнопрусскими консерваторами и особенно с приверженцами плана создания Восточного государства» [15, S. 58].

Капповскому путчу в марте 1920 г. и своему участию в нем, послужившему формально-юридическим предлогом для исключения Виннига из партии и смещения со всех государственных постов, мемуарист уделяет всего лишь пару страниц. И дело здесь не столько в том, что своим отказом поддержать генеральную стачку (на которой настаивала СДПГ) и признанием де-факто власти правительства Каппа Винниг занял сторону путчистов, сколько в целеполагании его действий, которые были направлены на сохранение внутреннего спокойствия в провинции накануне Варминско-Мазурского плебисцита 11 июля [9, S. 78]. Во всяком случае, у читателя (и у руководства Старой СДПГ) должно было сложиться представление о неизбежности и правильности действий Виннига, которые сохранили за Германией важные территории на северо-востоке страны.

Список источников и литературы

1. *Виноградов М. В.* Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
2. *Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны.* Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996.
3. *Драбкин Я. С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958.
4. *Гальцов В. И., Сергеев В. В.* От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 годах // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени СПГУ. 2018. №18-1. С. 134–147.
5. *Головачев Ф. Ф.* Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы Первой мировой войны. М., 1960.
6. *Очерки истории Восточной Пруссии.* Калининград, 2002.
7. *Прибалтийский излом (1918–1919).* Август Винниг у колыбели эстонской и латвийской государственности / пер., предисл. и комм. Л. В. Ланника [и др.]. М., 2019.
8. *Auf Spurensuche zur Geschichte der Sozialdemokratie Ostpreußen.* Zusammen gestellt von W. Reske. Dresden, 2015. Teil 8.
9. *Winnig A.* 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928.
10. *Gause F.* Die Geschichte der Königsberg in Preußen. Köln, 1996. Bd. 3.
11. *Klatt R.* Ostpreussen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958.
12. *Manthey J.* Königsberg. Geschichte einer Weltbürgerrepublik. München, 2005.
13. *Ribhegge W.* August Winnig. Eine historische Persönlichkeitsanalyse. Bonn-Bad Godesberg, 1973.
14. *Schumacher R.* Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Köln, 1985.
15. *Shindo R.* Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Berlin, 2013.

Об авторах

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: gvkretinin@gmail.com

Александр Сергеевич Макарычев — ст. науч. сотр., Калининградский областной историко-художественный музей, Россия.
E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

The authors

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: gvkretinin@gmail.com

Aleksandr S. Makarychev, Senior Research, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.
E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com